

Ета Гурвичуйте интервью Вильнюс, Литва

Интервьюер Жанна Литинская

Сегодня в Вильнюсе я встретилась с Етой. Ваша фамилия ...

Гурвич.

Это ваша девичья фамилия?

Да, у меня она осталась.

Именно Гурвич.

Ета Гурвичуйте, в Литве.

Вы так записаны?

Да, так в паспорте.

А вот вы записали так после войны или еще до войны?

До войны еще было.

Ета, где и когда вы родились?

Я родилась в Каунасе, в 1920 году.

Вы родились в 1920 году, какой месяц и число?

20 апреля.

Скажите, вы помните своих бабушек и дедушек, помните что-то о них.

Я помню бабушку.

Вот я бы хотела, чтобы вы рассказали по линиям — отцовская, материнская по очереди, называя их имена, если даже вы кого-то не помните, то что вы о них знаете — имя, где и когда они родились, кем они были.

Бабушку отца, то есть маму отца, я знала Потому что дедушки Якова, когда я родилась, уже не было, он умер, и в каком году они родились, я тоже не знаю.

Ну мы подсчитаем.

Но дедушка был раввин в Каунасе, сначала он был в Румкишкис, а потом они переехали в Каунас. А бабушка была ребецн. Она очень любила внуков, вот что я помню о ней, и была, ну она была вообще такая прогрессивная женщина, она нам давали такие свободы, в общем, не очень придерживались мы. В Каунасе мои родители были не очень религиозные, светские, они не придерживались.

А бабушка? Вот в чем она ходила?

Она ходила в таком красивом чепчике, была фотрграфия такая.

А как бабушку звали?

Сарра.

Вы бабушкину девичью фамилию, наверное, не знаете?

Нет.

Ну вот самый старший из детей кто в семье был?

Был мой папа.

Какого он года, хотя бы примерно?

Он 1870 с чем-то, кажется, 1879.

Значит, они примерно 1850х-1860х годов и дедушка и бабушка.

Да. А прадед был трубочист.

Это отец Якова?

Да. Но как его звали, я не знаю. Я знаю, что он выиграл тогда в России, это была еще Россия, я знаю, что он выиграл какую-то очень большую сумму денег и тогда купили вот этот дом, в котором мы жили в Каунасе, большой дом.

То есть, это был еще прадеда дом.

Да, большой-большой дом.

То есть, он был из Каунаса, сам прадед, или из Румкишкис?

Я не знаю.

А вот дед Яков был раввином в какой-то определенной синагоге в Каунасе?

Да. Но я точно не знаю, где. Понимаете, отец умер, когда мне было 19 лет, мама умерла когда мне было 7 лет. В те годы я еще не интересовалась, а теперь мне очень жалко, я очень хотела бы узнать все о матери...

Давайте еще по отцовской линии я еще поспрашиваю. Об этом доме мы потом поговорим, где он был какой он был, вы в этом доме выросли.

Там были... еще жила одна моя тетя.

Вот я хочу знать - у отца были братья и сестры?

Две сестры.

Расскажите о них, что вы знаете- их имена, фамилии по мужу, чем они занимались, чем занимались их мужья, были ли у их дети и что с ними стало. Вот так коротко .

Одна сестра старшая сестра Блюма, у нее был магазин. В нашем же доме, мы все там жили. У нее была одна дочка и сын.

Имена, если помните.

Анна. А сын умер от туберкулеза в молодом возрасте. Ее муж, я его тоже не знаю, потому что он уехал в Америку и там исчез.

Наверное, обещал их забрать.

Обещал, но исчез.

Как ее фамилия по мужу?

Знаю, да, Бурштейн.

О Блюме немного, какой магазин у нее был?

Был продуктовый, такой маленький магазинчик, она одна там работала.

Лавочка.

Она там сама работала и дочка иногда помогала. И там давала в кредит, по книжке давала. И вся эта улочка ходила к ней покупать.

И что с Блюмой стало?

Она умерла. Она до войны умерла.

А Анна? Я ее Анной назвала, она была Ханой?

Может быть, она и была Ханой. Она вышла замуж за ...Клиницкий фамилия его была, он был популярный композитор, они успели убежать в Россию.

Успели эвакуироваться, то есть, это даже не эвакуация, а бегство было.

Да. Ну а потом она там ничего не делала, ансамбль организовался литовский в России, и он там руководил оркестром.

Она хорошо жила?

Да. Она хорошо жила, они когда вернулись сюда.

Когда она умерла?

Она умерла в 1995 году, я ее смотрела. Помогала ей.

Вот это Блюма, а вторая сестра... Блюма была младше отца на сколько лет?

Небольшая разница.

А вторая сестра?

Вторая сестра была Рохл. Она была домохозяйка, дома. Муж у нее был Гефин фамилия была.

Как его звали, не помните?

Шолом. Там на фотографии есть он.

Мы потом отметим.

Он работал с лесом, я что-то так знаю.

Лесоторговец был?

Нет, он, наверное, работал у кого-то, у своих родственников Интрелеггатор, они были очень богатые, он торговали лесом, и он у них работал.

А они жили тоже в вашем доме?

Они тоже жили в нашем доме.

У каждого было по комнате?

Нет, что вы, там было двадцать квартир, их еще сдавали. Знаете, как было - каре...

Квадратный дом?

Нет, кругом шел, а внутри был двор, большой дом. Так что у каждого была квартира. Да, и был еще брат.

Минуточку, о Рохл. У нее было дети?

У нее был сын и дочка, сын Яков, дочка Двейра, а вторая Хая.

И что с ними стало, Рохл до войны дожидка?

Нет, она тоже умерла до войны. А Шолом погиб в гетто. А сын Яков эвакуировался, был в армии, потом еще вернулся сюда, он занимал большую должность, был инженер и он умер недавно.

А Двейре и Хая?

С ними очень такая история печальная. Они уехали в Германию...

Когда?

Еще до войны, еще до Гитлера. Потому что я помню, они были коммунисты. Они поженились, эти две сестры на двух братьях, и они были коммунисты. И они уехали в Советский Союз. Почему я помню. Потому что они ехали через Каунас, и они ехали туда, и мы пошли все на вокзал их увидеть, они ехали проездом, и они уехали. Их мужей там арестовали, одного расстреляли, а один остался жив.

Фамилии их не помните?

Нет, не помню.

Ну может, завтра вспомните. Мы еще завтра увидимся.

Один был в лагере, а одного расстреляли.

А сестер?

Они были высланы, но они остались живы и

А дети у них были?

Да, у Двейре была одна дочка, а у Хаи была тоже дочка.

А Двейре и Хая давно уже умерли?

Да, а дети их живы.

Вы говорили, что кроме Блюмы и Рохл был еще один брат?

Был еще один брат, который умер тоже перед войной, еще до Первой Мировой войны. Может быть, он умер чуть позже, потому что там сын был, который родился в 1918 году. Может быть, сразу после войны он умер от тифа.

Не помните его имя?

Не помню. Но его жена Поля была и сын был у него, Берл.

Что с ними стало?

Поля умерла и этот сын умер тоже молодой.

Ну вот мне хочется спросить - дедушка Яков был очень религиозный, это все понятно. Как он воспитал детей - вашего отца, потом уже отец стал современным. Но вот в молодости.

Отец был довольно образованный такой человек, он имел типографию.

А где он учился?

Я не знаю. Но знаю, что он был очень образованный. У нас было много книг, и он очень много читал, он был довольно образованный человек.

И у него была своя типография?

Да.

А с каких лет примерно, не знаете?

Они имели вот с этим братом, который умер, вместе эту типографию.

Когда вы были, уже была давно типография, типография на каком языке печатала?

Там печатали и на еврейском, и на русском и на литовском. Там выходила еврейская газета «Фолксблат»- «Народная газета».

Как отца звали?

Лейзер.

И он родился...

В 1879...

А когда он женился на маме, вы же, наверное, не первая в семье?

Нет, у меня еще сестра старшая была и брат.

А какого они года?

Сестра 1910, а брат 1913...

То есть, с большой разницей, в 1908-1909 году они поженились.

Да, мама была моложе отца лет на 15.

У них свадьба была, сваты, шадхены были?

Я думаю, что были шадхены, потому что моя мама из Таураге, и ей было двадцать лет, когда она вышла замуж.

То есть, она была лет на 10 моложе.

И даже больше.

Ну а теперь расскажите точно так же, что вы знаете маминой линии, может быть, вы знаете и бабушку и дедушку.

Бабушка и дедушка были набожными, в Таураге они жили и дедушка имел такой небольшой заводик, лимонад он сам делал. Там был один рабочий.

Он и рабочий. Но вы его помните, дедушку?

Да, дедушку помню, всегда на праздники ехали туда в Таураге. Дедушка был, он в синагоге был а габай, староста, почетное место. Бабушка была религиозная, и они даже у нас не останавливались. Мама, у меня умерла мама, у нас не было кошерности, он даже у нас не останавливались, у каких-то родственников, потому что у нас не было кошерности.

А как звали бабушку и дедушку?

Сарра.

И та и другая Сарра.

Ой, нет, я не помню, как бабушку звали.

А дедушку?

Дедушку Беля, как-то так называли.

А фамилия?

Гольдшмидт, это мамина девичья фамилия.

Ну они были ровесниками тех бабушки и дедушки или немного моложе?

Наверное.

Так они, всегда мне бабушка казалась старая.

Ну как бабушка, она тоже ходила в парике или косынке?

Она всегда ходила на голове с завязанным платком.

А дедушка тоже что-то надевал?

А дедушка был такой высокий, с бородой...

В шляпе или в чем он ходил?

Да, они были религиозные, и праздники все соблюдали.

То есть, вы к ним приезжали на праздники. Это была дань уважения, дома не соблюдали, но на праздники ехали.

И потом у нас когда умерла мама, так вот Пасху мы очень чтили, вот это всегда дома была посуда отдельная для Пасхи, все было самое лучшее- сервизы, серебро, все было только на Пасху. Но когда мама умерла, у нас уже мы всегда Пасху праздновали у папиной сестры, там этот муж ее был набожный...

У Блюмы или у Рохл?

У Рохл, он соблюдал всегда, у них было все как следует на Пасху.

Это мы потом расскажем праздники еврейские, и потом поговорим немного вообще о праздниках в частности в Таураге. А вот дом у бабушки и дедушки в Таураге был свой?

Свой.

Большой дом был?

Нет, не очень большой. Две квартиры.

Деревянный или каменный?

Деревянный дом.

Одноэтажный?

Да. И две квартиры там было, одну он сдавал, а во второй они жили.

Небольшая квартира была, сколько комнат?

Ну я не помню.

Хорошо. Вы не помните, в Первую. Мировую войну ваш отец не был призван в армию?

Нет, они бежали, тогда же из Каунаса всех евреев выслали.

А куда?

Они были в Кинешме, это на Волге.

Ну да, тогда высылали евреев как потенциальных шпионов.

Их, по-моему, высылали два раза.

И маминых и папиных родственников.

Да, они вместе все жили- Блюма и все остальные. Еще мои брат и сестра тоже, потому что они уже были.

Ну да, они 1910, 1913 года. А у мамы были братья и сестры?

Нет, она была одна дочка. И умерла она в 37 лет.

А отчего она умерла?

У нее был, это тоже перед Пасхой, она была такая полная женщина. И перед Пасхой, ну знаете, она готовила. Потела и схватила воспаление легких и очень быстро умерла.

Так мама умерла в 1927 году, ей было 37 лет, значит, она где-то 1890 года. И бабушка...

И бабушка после этого очень быстро умерла. Она этого не перенесла.

А дедушка?

Дедушка приезжал когда, он к нам не заезжал. Во-первых, мамы не было, ему это было тяжело очень. А дедушка еще жил, он умер году в 1936.

Он не женился больше?

Нет, он был довольно богатым, он оставил нам, но это все пропало когда началась война.

Ну хорошо, теперь уже к вашей семье непосредственно. Значит, старшая сестра 1910 года, как ее звали?

Анна.

И второй?

Сын Яков.

То есть, Яков был назван в честь дедушки.

Значит, дедушки уже не было, может быть, он только-только умер.

А свадьба у ваших родителей была по еврейским законам?

Да, по еврейским.

Они рассказывали вам,.

Нет.

Просто вы понимаете, что иначе быть не могло. В общем, примерно в 1918 году они вернулись.

Да, потому что в 1920 году я родилась. Не помню, как это получилось, но отец сразу работал на спичечной фабрике у наших родственников.

А типографии не было?

Нет.

А вы говорили, что тот брат умер раньше?

Был еще один брат. Был еще один брат, тоже который жил с нами. Он тоже умер рано, у него не было детей, только жена была.

Как его звали?

Хаим.

А жену?

Поля.

Это с ним была типография. То есть, отец поработал немного и что-то скопил и тогда купил типографию.

Да.

И они поселились в дедушкином доме, расскажите. Вы говорили, что дом был большой четырехугольный с внутренним двором. Каменный был?

Да, двухэтажный.

И в доме было много квартир?

Да. Занимала квартиру Рохл, занимала Блюма, этот Хаим с женой...

А они имели квартиры. Не по одной комнате. У нас было четыре комнаты. У Блюмы три, у Рохл не помню, сколько. Там большие квартиры были. И потом был еще брат который умер, его жена с сыном. Они тоже имели квартиру.

А на что они жили?

Вот эту... Он все-таки, наверное, типографию имел, я не помню, как его звали, Берл был его сын. Он был с типографией, и я помню, что папа им выделял какие-то деньги.

То есть, им было на что жить.

И потом дом был на бабушкино имя. Потому что я узнала уже потом, я немного получила за этот дом. Он был потом национализирован. Я получила, но очень мало, мы должны были делить на три части, и тогда стало немного ясно, как это было. Тогда у евреев было принято, что старший сын все должен наследовать. Поэтому все было на моего отца. Потом он передал остальным какие-то части.

А бабушка еще жила с вами в квартире?

Бабушка жила с Блюмой.

Ну вот ваша квартира. Вы говорили, четыре комнаты было, а что там-гостинная, спальня?

Ну была столовая... Потом кухня, столовая, потом была моя комната.

Они проходные были?

Да, все проходные.

Так в Литве очень много.

Столовая. Потом моя комната, а из моей комнаты шла спальня. Спальня, тогда там жили брат и отец, а с этой стороны моей комнаты была комната сестры.

А вы маму помните?

Очень слабо. Помню, но очень смутно. Плохо помню.

Ну а когда ее не стало, кто вами занимался?

У нас была прислуга Тереза, которая...полька была. Но она говорила по-еврейски, и она поддерживала у нас кошер немножко. Она мясо мочила сколько надо, и она не покупала свинину. Она у нас тридцать лет была. Когда они поженились, она пришла. Она нас всех вырастила. И даже когда началась первая война, она уже была у них. Значит, она прятала даже какие-то вещи.

Верная была. У нее была своя семья?

Она к нам пришла. У нее уже умер муж, она была вдова.

Она жила у вас, у нее была какая-то комната?

Да, от кухни был отделен кусочек, закуток.

То есть, она и при маме вела хозяйство, а потом она взяла все.

Когда мама жила, у нас была еще та, что стирала белье, она приходила. Было более организованно.

А когда мамы не стало, старшей сестре уже было 17 лет.

Она еще училась, но она кончала гимназию кончила. Брат древнееврейскую. А я...Мой отец был идишист, я сначала училась в древнееврейской, начальные классы, а потом меня отец перевел, у нас открылась еврейская гимназия, и он туда перевел меня.

Немного поговорим до школы, вот вы говорили, что в вашем доме вообще не отмечали еврейские праздники. Ну как было при маме, вы, наверное, плохо помните.

При маме отмечали.

А какие праздники отмечали?

Пасху я помню, а больше я не помню. Я помню бар-мицву брата.

А как бар-мицва была?

Я помню, что пришли его друзья, и что мы там танцевали.

А что мама готовила такого, что было повседневно на столе, а что было на праздники.

Я помню, что на субботу почему-то всегда гуся делали. И это делала уже Тереза тоже.

А в шаббат в пятницу зажигала мама свечи?

Мама зажигала, а потом уже нет. Потому что я помню, у нас были эти подсвечники.

А отец не ходил в синагогу по субботам вообще?

Может, на большие праздники он ходил. Но на шаббат вряд ли.

Но в субботу он работал?

Нет, в субботу не работал.

Но вот вы рассказывали, что позже, когда мамы не стало, праздники отмечали у Рохл?

Да. Особенно Пасху я помню, потому что они очень придерживались.

Ну вот расскажите, что она готовила. Кто вел седдер?

То, что положено. Рыба, конечно, фаршированная, галки, маца была. Мацу мы всегда покупали, отец покупал целую корзину.

Но хлеб у вас был дома?

Нет, хлеба не было.

Чуть-чуть придерживались. А кто вел седдер у тети Рохл?

Муж ее вел, Шолом.

А кто вопросы задавал?

Мои братья двоюродные.

А Тереза умела готовить еврейские блюда?

Да, она готовила, она готовила.

Отец не женился вторично?

Думал...

Мы остановились на том, что рассказывали Пейсах. А другие праздники вы не помните, как отмечали?

Я помню в школе.

Ну потом расскажете. А отец постился в Йом - Кипур?

Я не помню, может быть, и постился.

А когда вы ездили в Таураге, еще при маме?

При маме я не помню, мы ездили позже в Таураге.

А как там отмечали праздник, вы только на Пейсах ездили?

Нет, наверное, не на Пейсах, я ездила и на каникулы.

Там был строгий кашрут?

Да, дед ходил в синагогу.

А вы помните синагогу в Таураге?

Да, помню.

Большая была синагога?

Да, большая, хорошая синагога. Я не помню точно.

Вы там много времени...Куда вы пошли и что было дальше?

Я помню, что нас водили в синагогу.

В каком году вы пошли в школу?

В 1926 году.

Значит, вы пошли сначала в ивритскую гимназию, а потом в идишскую. Как она называлась, эта гимназия, где вы учились, идишская?

Вначале коммерс-гимназия, потом она была имени Шолом-Алейхема.

А вот вы говорили, что отец был идишист. Это его внутренне убеждение было?

Да. Он был бундист даже, таких левых взглядов.

То есть, бундовских взглядов, не сионистских?

Нет, бундовских.

Но вы уже когда были в возрасте понимания, он еще занимался политикой или нет?

Я не помню.

Он ходил на какие-то собрания?

Нет, я не знаю. Он больше был занят в своей типографии, там же ночью шел выпуск. Я знаю, что я его видела только за обедом и с газетой, потому что...

Он любил маму?

Конечно.

Он переживал мамину смерть?

Думаю, что да.

Он не хотел жениться?

Он не женился, были такие случаи, что его сватали, но сестра его не хотела, чтобы он женился. Из-за сестры он не женился.

Она боялась, что он не будет помогать. Из-за Блюмы?

Нет, из-за моей старшей сестры.

А, она была в таком возрасте, что ревновала очень.

Да, она...уже была даже такая учительница, которая меня вела, учительница русско-еврейской начальной школы. И она меня даже вела на вечер в их школу. И моя сестра ужасно ...и вот он ее послушал, и зря. Потому что он умер именно потому, что он был один. Мы уже были взрослыми, у каждого была своя жизнь.

Да, это такой эгоизм, который не давал ему...

Он делал себе ванну, это было в январе 1939 года,...у него были какие-то женщины, наверное. И он простудился, получил воспаление легких, тогда не было никаких лекарств, и он умер.

Значит, вы жили в этом доме все время. Мы опять немного к дому вернемся. А на чем готовили тогда?

На примусе, или на плите.

А печь была большая типа русской?

Была плита.

А вы не помните. Мама на шаббат готовила блюда какие-то, прятала их в печь?

Я не помню.

А бабушка, наверное, чолнт делала?

Да, чолнт же носили в печь, и у Блюмы мы кушали чолнт.

То есть, женщины как-то сохранили традиции. А отец благодаря тому, что он был современный человек. Газеты... Это самые прогрессивные люди. А вот обстановка какая была, какая мебель была. Деревянная старинная, красивая?

Я не помню.

А какого дерева, красного, черного?

Я не помню.

А вот пианино было у вас?

Было.

Вас учили играть?

Да.

С какого возраста?

Это в школе было, не как школьное, а как дополнительное. Сестре купили пианино, а потом я тоже училась.

Материально вы неплохо жили?

Материально хорошо.

Было и наследство, ну наследства еще не было, но была типография.

Конечно, когда мама умерла, было хуже потому что отец не мог так, как мать заниматься хозяйством. Сестра вела хозяйство.

А вот вы помните, где вы гуляли в детстве, парк какой-то в Каунасе?

В Каунасе на Лайсвесс-аллее мы гуляли.

Аллея Свободы.

Да. Там все встречались.

Ну расскажите немного о гимназии еврейской. Что вы учили, какие предметы, на каком языке. К чему вас больше влекло, что вы запомнили, какие учителя, которые вам запомнились?

Самым любимым учителем у нас был Зиманис, будущий муж Фриды. Потому что он был учителем литовского языка и биологии, он ее преподавал. Он был молодой, он не был намного старше нас по сравнению с остальными учителями. Его еще брали в армию, когда он у нас преподавал. В это время у него перерыв был, потому что его взяли в армию в литовскую. Он еще был совсем молодой, 20 с чем-то лет было.

А вы с Фридой в одном классе учились?

Она училась на класс ниже, хотя мы с ней одного года. Потом очень хорошую учительницу мы любили... была такая Ициксон, она географию преподавала. Она приехала из Укмерге, сначала она была в Укмерге учительница. У нас была такая особенная школа. Знаете, чем, очень мы дружили, это была как семья. Была такая левого типа.

А школа была платная?

Да, платная.

А бедные дети были?

Бедные дети тоже были, но за них платили. Были богатые родители и за них платили, был какой-то фонд.

А в школе религию преподавали?

У нас был предмет такой Танах, но он очень был нормальный. Мы это не очень любили. И зря. Знаете, в детстве...

Но историю евреев вы учили?

Да.

И до какого класса вы тогда учились?

У нас было 8 классов.

А потом?

Мы еще были комсомольцы подпольные.

То есть, подпольная комсомольская организация была в школе, а кто ею руководил?

Были из старших лиц школы.

То есть, были какие-то внедрены. И Зиманис тоже был?

Зиманис не очень, потом Яцовский был. Я вообще дружила очень с Яцовским. Он меня вообще привел в комсомольскую организацию.

И вы Марию Яцовскую, мать его знали?

Да, да.

Она была в подполье коммунистическом, а он был в комсомоле?

Да.

И с какого года вы там были?

С пятнадцати лет.

А чем вы там занимались?

Во-первых, собирались, рассказывали про Советский Союз. Но мы вообще не знали о том, что там делается.

Вы ничего не знали о процессах, убийство Кирова, не обсуждалось это?

Нет.

То есть, о Советском Союзе были самые радужные представления?

Да, самые радужные. Но понимаете, было так - или немцы придут, или русские – для евреев это было ужасно.

А о немцах уже знали, что в Германии творится?

Да, да.

Уже был 33-й год, «хрустальная ночь».

А отец, он знал, что в комсомоле подпольном?

Он, может быть, и не знал, но когда меня арестовали, он узнал. Когда меня арестовали, так отец пришел и меня выпустили под залог.

А в каком году вас арестовали?

В 1935.

А кого-то еще арестовали или вас одну?

Нет, мы распространяли листовки против войны с моей подругой.

Как подругу звали?

Зелда Ушпиц...

Ее уже нет в живых?

Нет.

А как вы распространяли, давали людям или на дома клеили?

Клеили на домах, но это, может быть, и над рассказывать.

Все надо, это же интересно. Против войны. Против фашизма?

Да.

Ну так за что вас арестовали, за то, что вы были против войны?

Мы не признавались, мы не должны были признаваться, что мы комсомольцы.

Вот вас арестовали на улице и привели в полицию?

Да.

А потом что?

Потом привели в тюрьму.

Как эта тюрьма называется?

В Каунасе. И там была специальная камера, там было 30 человек, все женщины. Все политические.

Сколько времени вы там провели?

Я там была пару месяцев, пока отец...а потом меня взяли на поруки, внесли большой выкуп. Не только наш дом заложили. У отца был двоюродный брат, у которого был шикарный дом, что-то 100 тысяч, не помню, сколько надо было за меня заложить. А потом был суд, но мне дали условно, потому что мне было 15 лет.

Сколько вам дали?

Восемь лет, что ли.

Ужас. Но вот эти пару месяцев, что вы провели в камере?

А мне было интересно. Там они изучали, мы изучали марксизм, было очень интересно. Там сидела такая Худусайте, которую потом поменяли на ксендзов, которые сидели в России.

Это очень известная коммунистка?

Да.

И она там проводила с вами учебу постоянно?

Да, и были еще люди.

То есть, вам было интересно.

Было очень интересно.

Ну а чем кормили вас?

Ну во-первых, приносили посылки и кормили неплохо. А мне приносили, папа имел там врача знакомого, мне еще дополнительно давали.

А Зельда тоже с вами там была?

Да.

Скажите, это был юношеский романтизм такой, ведь в принципе ваша семья жила неплохо?

Ну мне и там, когда следователь со мной работал, он меня агитировал.

А вот вызывали на допросы, что они спрашивали?

Я ни в чем не признавалась, я даже не признавалась, что я клеила.

Слово «нет» – самое лучшее слово в русском языке. И вот когда уже вас выпустили, отец вас забрал, он вас ругал, говорил что-то?

Нет, он переживал, конечно.

А старшая сестра чего придерживалась?

Моя сестра была вообще аполитичная, а брат был сионист.

В какой он был организации?

Он был в “Бейтаре”, это такая правая организация. Он был там сначала до конца.

Он был последователь Жаботинского, те что хотят военным путем отвоевать Израиль

Да.

К тому времени ему уже было 20 лет? Он еще не был женат, не устроил свою жизнь?

Нет, но потом он женился.

До войны еще?

Да.

Но вот вас забрали домой, дома все-таки лучше было?

Я не очень переживала.

Но вы еще были гимназисткой, вас не исключили?

Исключили, я экстерном там сдавала. Официально я уже русскую школу после войны окончила. Я уже пошла работать, отец умер.

Вы не учились, дома помогали?

Нет, дома была Тереза.

А вот не было в это время, что в Германии фашизм. Не было таких против евреев выступлений?

Нет, понимаете, вы не чувствовали, у нас такая еврейская жизнь была. Мы не общались практически с литовцами, я не чувствовала.

А в чем заключалась еврейская жизнь?

Ну были еврейские магазины, еврейские банки, еврейские газеты, можно было и не знать языка литовского.

Но вы знали язык?

Я-то знала.

А русский?

Мы в детстве говорили по-русски дома.

А вообще дома по-русски говорили, не на идиш?

Понимаете, с сестрой всегда дома говорили, но они же застали русский.

Но вы польский язык знали?

По-польски говорила с Терезой, а она уже еврейский знала. Знаете, бывало, комсомольское собрание у нас дома у меня в комнате тихонько, и тут Тереза на коленях молиться тут же в этой комнате.

А о чем она молилась?

Она имела свой молитвенник.

Но она знала, чем вы занимаетесь?

Нет, она не знала ничего.

Но вот вы когда вышли из тюрьмы, вы продолжали свою деятельность комсомольскую?

Очень мало, во-первых, не могли пользоваться моей квартирой, потому что уже знали...Я даже получала подпольную литературу, кто-то меня выдал, меня таскали в КГБ, когда была шестидневная война.

Долго вас держали?

Просто меня вызвали. Я тогда готовилась к экзаменам, не работала, я с подругой, пришли на машине приехали и меня отвезли в этот...

Потом об этом. Вот мы вернулись в довоенный Каунас. Вот вы сказали, что еврейская жизнь была очень интересной. А что было, кроме магазинов, газеты еврейской.

Было два театра. Мы жили. Наш дом был рядом с еврейским театром.

На какой улице?

Мапука – такой писатель был, это в старом городе.

А как при советах она называлась?

Как-то по-другому. Напротив нас была еврейская кухня...

Что это такое, домашний ресторан?

Нет, что-то типа для бедных. А вся эта улица была еврейская, и там был еврейский театр, и оперетты ставили и драматический. И Каминская там была, я ходила. Я очень любила театр.

У вас уже были какие-то привязанности, юноши были, или это были чисто комсомольские?

Я потом театром интересовалась. И потом я ходила, у нас была такая студия, балетная школа, я вообще в балетной школе занималась.

Хореографическая школа классическая была?

Нет, последователи Айседоры Дункан.

«Босоножки».

Да. Потому что у нас была, ну в общем, она училась в Германии, там была школа Айседоры Дункан, еще я видела здесь после войны здесь была эта школа, Ирма, ее дочка вела ее.

Значит, вы мечтали о карьере?

Был такой слом.

В общем, жизнь у вас была интересная в молодости?

Ну было что-то.

В кафе ходили?

Ну попозже. Это был самый лучший год до войны, 1940.

Когда пришли Советы, это ваша мечта была?

Да, понимаете...

Давайте еще немного поговорим - отца уже не было. Он умер. А как его хоронили, светские похороны или по-еврейски?

По-еврейски.

А как это был, на досках несли?

Я думаю, что на досках.

И дома шива была, траур был, маму точно по-еврейски хоронили?

Да.

А когда маму хоронили, вы поняли, что произошло?

Меня сразу забрали родственники какие-то, потом меня привели познакомиться. А мама лежала на полу. На похоронах я не была.

Ну вот папы не стало. На что вы жили? У вас был какой-то доход?

Брат мне стал помогать, он вообще был уже студентом.

А где он учился?

Он учился в Каунасском университете. На инженером факультете.

А Анна?

Анна окончила гимназию, она ...

Где она училась.

Значит, Яков стал заниматься делом отца.

Ну вам тяжело было отца хоронить?

Еще отец жил, мне было 18 лет, у меня был дифтерит и осложнение на ухо, я целый год болела.

Отец ухаживал за вами?

Да.

Ну вот не стало отца, еще какое-то время была жизнь спокойная. Яков был сионистом, он вас не пытался?

Нет, он был очень лояльным, у нас товарищ был, как вам сказать, такие ярые. А он был очень спокойным.

Когда он женился, Яков?

Он женился вскоре после смерти отца.

На ком он женился?

Соня, они потом расстались, не могли жить.

Еврейка, конечно?

Да.

У них была еврейская свадьба?

Да, ее отец тоже был такой религиозный, он был из местечка, я уже не помню, откуда он был.

Так они под хупу шли в синагогу?

Да.

Вы присутствовали на свадьбе?

Да.

А где делали свадьбу. В ресторане?

Нет. Свадьба была, у его друга был прекрасный дом, у него была прекрасная мама, они очень дружили. И она в своем доме делала моему брату свадьбу. Это была такая интересная семья. Гефель, это какие-то родственники дальние по отцу.

А чем они были интересны?

Они все были сионисты, и мама была такая, она дожила до 100 лет. Вокруг нее была вся жизнь, была такая женщина преданная.

Значит, как пришла советская власть, вы же ожидали ее прихода. А 1939 году Вильнюс стал литовским, и что было дальше. Как пришла советская власть, как вы ее встретили и какие изменения начались? Для вашей семьи.

Для моей семьи. Моя сестра пошла работать.

Куда?

Она в архив пошла работать, в государственный архив, до этого она не работала.

А вы?

Я еще до этого. Когда я заболела и лежала в больнице, я захотела быть врачом. Так я пошла...И потом я захотела идти до курсы медицинских сестер. И

вот я до войны проходила эти курсы, были тоже еврейские курсы при ОЗХЕ. Было так- вечером были лекции, а днем была практика в еврейской больнице. Была еврейская больница.

Как она называлась?

Бекехейле, как-то Там мы проходили практику все отделения. Надо было все отделения пройти. Так я помню, что первое было инфекционное. Надо было добровольно. Так я пошла в это инфекционное отделение.

Самая смелая.

Там практика была очень хорошая. В основном, ухаживали за больными. Это был очень серьезно, там тифозные больные, там я первый раз встретила со смертью.

А вот когда пришла советская власть, у вас не забрали типографию?

Да. Забрали.

Брата не репрессировали?

Нет.

А кем он стал работать?

Он стал работать на фабрике начальником цеха «Виткус». Там были мастера с Чехии, у них была такая тенденция, чтобы научить своих, чтобы не работали иностранцы.

А чему именно он учился?

Это текстильная промышленность.

То есть, в типографии он не работал.

Он продолжал работать на инженерной должности.

Он успел окончить институт?

Это уже позже.

Вашу семью не тронули, хотя было известно, что он сионист. А вообще, вы знаете тех, кого выслали из Каунаса из ваших близких?

Вот, Шацких, моя подруга, которая училась со мной в одном классе, ее родителей.

Как ее зовут?

Лея Гиршон ее девичья фамилия.

А где она живет?

Она здесь живет, но я не знаю, захочет ли она, потому что она очень переживает.

В другой раз.

Ее семью репрессировали. Ее нет, потому что она жила в Вильнюсе, а они в Каунасе. Но когда началась война, она их потом искала, и она их нашла, она потом с ними жила. Я вам должна сказать, что они выиграли тем, что их выслали - они остались живы.

Да, это такой парадокс. .

Понимаете, они во-первых, с собой могли, мы то бежали, они могли с собой вещи какие-то взять. Они там сразу приехали, ее отец был очень предприимчивый человек. Они сразу посеяли, они там неплохо жили. Только что - когда они вернулись, их тоже опять арестовали после войны.

А при советской власти вы работали уже или учились на курсах в 1940 году.

Я еще училась.

Но ОЗЕ уже не было?

Не было. Но курсы еще были.

Ну вот начало войны где вас застало?

В Каунасе.

Как вы помните начало войны?

Я посмотрела и вижу самолет, а это было 4 часа утра, уже бомбили Каунас. Мы думали, что это ученья. До этого были ученья вообще. Но уже было очень тревожно.

Было состояние?

Я помню, шла, видела шли какие-то военные, что-то был тревожно.

Ну и как началась война- бомбежка, вы были дома в это время, что было дальше?

Дальше мы взяли. Сестра была в Вильнюсе, она там работала. Брат был женат.

Детей еще не было?

Она была беременна. Они пошли на завод. Она пошла с ним на завод, все оставили дома. Просто так пошли, даже деньги оставили.

И они эвакуировались с заводом?

Они потом пошли на вокзал. А я пошла пешком, группа такая, мы пошли пешком.

Какая группа, комсомольцы бывшие?

Нет. Уже не с комсомольцами.

Но у вас был комсомольский билет подпольной организации?

Они не успели оформить, потом я уже не была такой активной. Я уже в комсомол вступила во время войны.

Ну с какой группой?

Со знакомыми.

Ну и куда вы пошли?

Из Каунаса шли..

Вы взяли какие-то вещи с собой, деньги, документы?

Еще паспорта даже у нас не было нового, удостоверение и взяла какие-то вещи, то, что могла взять.

Продолжение интервью с Етой Гурвич. Мы остановились вчера, но если вы хотите что-то исправить, скажите сейчас.

Я хочу поправить что моя бабушка, которая жила в Каунасе, ее имя Эстер. Я это вспомнила. Потом я хочу, я сказала, что отец был самый старший. Он был самый старший из братьев, а в действительности Рохл и Блюма были старше.

То есть, он был старший из братьев, а в действительности он был третий в семье. А теперь еще у меня такой вопрос возник после вчерашнего. Вот вы говорили. Что к тому времени, что пришла советская власть, вы не были активной комсомолкой. Это не повлияло на то, как вели советы, у вас не возникло недоверие к советской власти после того, как они сюда пришли.

Сразу нет. Но недоверие у меня уже появилось, когда я в Советском Союзе была. Во-первых, я увидела, первый день войны, как я увидела. У нас была жизнь другая, в магазинах было полно, да и отношение. Я до этого еще немного разочаровалась. У меня была подруга, которая уехала в Советский Союз в 1935 году.

Как ее звали?

Мирская Ева.

И как она смогла уехать?

Отец как-то сумел, ее отец в нашей школе преподавал физкультуру, специалист такой. Они даже учились вместе с Мессерером, и когда Мессерер

приезжал в Каунас, ее отец достал билеты и Асаф и Юдифь Мессерер выступали в Каунасе. Так когда у нас уже была советская власть в 1940 году, она приехала. Я удивилась, я думала, она расскажет про Советский Союз, она только интересовалась тряпками. А меня это совсем не интересовало, мне это было дико. Отца там посадили, конечно, она должна была скрывать. Она в общежитии жила и скрывала. Это уже было потом конечно.

О Советском Союзе мы потом расскажем. Мы остановились на том, что вы вышли 22 июня из Каунаса.

Фактически с другом. Мы потом расписались в Советском Союзе, но мы потом разошлись.

Ну все равно. Как его звали?

Его звали Хаим Лейкович.

То есть, у вас уже был близкий человек. И вы вышли с ним. Ну вот что было дальше?

Мы шли. Очень много шло людей по шоссе прямо на Двинск, на Латвию. Потом по дороге нас подобрала машина, мы немного ехали, на подводе ехали. Мы шли пять дней, я на ходу спала.

Бомбили по дороге?

Уже когда мы в Укмерге шли, самолеты летели очень низко и бомбили колонну мирных людей. И когда мы потом проезжали Себеж, это было на границе, после уже не пропускали. В Латвии мы сели в поезд, и мы уже видели - до нас поезд разбомбили, и мы видели тела, было много жертв.

Кошмар.

А когда моя сестра позже из Вильнюса ехала, ей сказали. Что я там ранена была.

Это вы потом узнали?

Да, когда я с сестрой встретилась. Тоже пока мы нашлись, это было долго.

Ну вот что было дальше, вы сели в поезд, куда вы поехали где вы очутились?

Мы очутились в Кирове.

Почти всю Литву в Кировскую область.

Да, а из Кирова какие-то наши архивы вывозили. И они в Чкалове в Оренбурге. Потому что я уже перед войной работала в государственном архиве. И меня вызвали туда, и я там всю войну и проработала.

Вы попали в Чкалов, в Кирове вы недолго были?

Там недолго были, переночевали пару дней, потом мы поехали в Горький, на пароходе до Куйбышева, по Волге, а оттуда ...

С Хаимом вместе?

Да.

И попали в Чкалов?

Да.

Вы там всю эвакуацию пробыли?

Да. Я там была. А его потом мобилизовали, но он долго тоже не был...

Его на передовую взяли?

Нет. Его очень быстро, я не помню почему, но он очутился в Москве, он там учился на режиссерском факультете. Ему как-то дали бронь.

А вы жили в Чкаловске.

Да.

Ну вот расскажите такие бытовые вещи - где вы жили, где работали, сколько получали, какой был паек?

Не помню. Я помню, что кушать было маловато вообще-то. Но...

Молодость.

Потом ко мне приехала сестра.

А как вы узнали о сестре?

Через друзей. Мои друзья с ней встретились. Она была в Уфе..

Ана или Хана?

Она была записана с самого начала Анна, там другая была Хана. Я с подружкой переписывалась и она мне написала, что она встретила сестру. А потом она встретила брата в Уфе. И она их свела. Там мой брат уже, жена родила в Горьком, по дороге. Они очень бедствовали в Уфе. И когда брата взяли в армию, когда организовалась 16 дивизия, она приехала с ребенком ко мне. По дороге ребенок заболел очень. Они голодали, и ребенку было уже 8 месяцев, она его положила в больницу и ребенок умер. Как мы его хоронили, ужас... Это было кошмар.

Расскажите.

Это было ужасно. Был страшный мороз. И мы с сестрой ее даже не допускали. Мы с сестрой на саночках везли ее, и какие-то пьяные мужики рыли эту яму, долбали. Мы дали им водку, надо было им дать, вот так мы ее похоронил.

Девочка была?

Да.

А жили вы где, вам дали комнату или снимали где-то?

Там жила моя подруга, я встретила в Чкалове мою подругу, которая там с мужем. Муж художник, и какой-то театр был эвакуирован. А потом театр перевели в другой город, и она собиралась уехать с ним, она мне уступила маленькую комнатку.

И сестру вы туда взяли?

Да, и сестру и невестку.

Они работали?

Сестра тоже там работала в архиве. Но ее тоже в армию потом взяли.

Взяли или она сама пошла?

Фактически.

В общем, она пошла добровольно. А с Хаимом была переписка?

Да, мы фактически остались друзьями.

Я поняла. Но вы тогда еще не думали расходиться?

Нет.

Он учился, вы там работали и ждали когда кончиться война. Ну и что было дальше. Как вы узнали о победе или вы раньше вернулись в Вильнюс?

Я там узнала о победе.

Ну и как вы ее встретили?

Счастье было. Мы думали, что будет здесь то же самое, что было до войны. Каунас, Вильнюс будут жить так же.

Будет довоенная счастливая жизнь.

Но было совсем не то.

Когда вы сюда вернулись?

Я вам сейчас скажу. Я ехала. У меня были родственники в Москве, и я через Москву, я 9 мая была в Москве.

То есть, вы с Хаимом встречали День Победы на Красной площади.

Какое там ликование было?

Да, целовались вообще. Первый раз тогда был салют, первый раз я видела салют.

А что было дальше, уже не так подробно, но чтобы у нас был законченный рассказ.

Я только хочу еще добавить из прошлой жизни про отца. Вот это такой интересный штрих. Когда умер Хаим, брат отца, мой отец уже был тоже вдовец, осталась его вдова. По еврейским законам он должен был жениться на ней. А если нет, так он должен пойти к раввину и бросить. Почему Я помню, потому что перед тем, как он пошел к раввину, он посмотрел, или его носки целый, не порван.

А что надо было сделать?

Надо было снять ботинок и бросить его, в знак того, что он отказывается от нее.

Она ему не нравилась?

Нет.

Такой обычай был?

Да, такой был обычай. Поэтому я это помню, потому что мне было интересно - он один ботинок снял и посмотрел, или там не порвано.

Вот какой момент интересный, никогда такого не слышала. Вот вы возвращаетесь из Москвы, вы там долго пробыли?

Нет. Неделью всего, у родственников я была. Приехала я...

Вы еще не расписались с Хаимом?

Мы шли расписываться, но у меня не было литовских документов, мы с ним не расписались, я так и не расписалась с ним.

Значит, вы были не расписаны, это не имеет никакого значения. И вы поехали в Вильнюс, он остался там?

Он тоже потом приехал в Вильнюс.

Он окончил какой-то институт или курсы?

Какие-то курсы режиссерские просто тогда были. Ему очень не повезло. Мне что было с ним тяжело, он был старше меня. Понимаете. Я когда уехала и все вещи оставила, меня эти все вещи не волновали совершенно. Он уже был, это все было для него, он очень переживал за неудобство.

Неприспособленный, вы были более приспособлены.

Я тоже не приспособлена, но меня это не волновало, я не обращала на это внимания – нету того, этого, меня вещи не интересовали. Всегда были какие-то высшие интересы. И когда я вернулась, у меня уже была другая любовь

Ну очень хорошо, главное, чтобы она была.

Но тоже кончилось неудачно.

Ну вот вы вернулись в Вильнюс, рассказывайте как было.

Я не имела где жить, я была у подруги.

Ну тут же было много свободных квартир.

Я не умела добиваться ничего.

Ну тут было много, когда только вошли в Вильнюс,

Уже когда я приехала в 1945, все было занято. 12 мая я приехала, уже было занято, надо было уже добиваться. Надо было кого-то. Мне предлагали, но другие претендовали, там уже были другие претенденты, так что мне было очень плохо. У меня не было жилья, снимали, в общем, я потом родила ребенка.

От второго?

Да.

Назовите его имя, если хотите

Я хочу сказать, потому что у него тоже очень интересная судьба.

Как его звали?

У него отец-литовец, мать еврейка. Мать погибла, повесилась в гетто.

А как матери имя и фамилия?

Я забыла, Ида ее звали.

Она в Вильнюсском гетто повесилась?

Она вообще из Шауляя. Когда она вышла замуж за литовца, родители от нее отказались. В общем, они не признавали. Она была очень красивая женщина. А отец его был дипломатом литовским, он как раз был во Франции послом, когда сюда вошла советская власть. И он там и остался. А сын..

Муж, друг.

Аугустинас. Он известный художник, улица Савицкас - это имени его отца.

Значит, Аугустинас Савицкас, он художник.

Самое интересное, когда мы познакомились. Он уже учился до войны, уже был художником. Его брат тоже имел еврейку-жену, он оставался здесь. И он имел возможность не идти в гетто, но он с ней пошел и погиб.

Как его звали?

Альгердас. Он принял гиюр, стал евреем, его похоронили на еврейском кладбище во время гетто. Он там охранял огороды. Пошел литовец-охранник, и он в него выстрелил. И вот у Аугустинаса Савицкого было предубеждение, что евреи приносят несчастье- мама, брат погиб из-за еврейки. И нам было тяжело из-за этого.

У вас были конфликты?

Он живет сейчас, он очень болен.

Но вы жили вместе?

Да.

Снимали квартиру.

У нас не было квартиры. Было тяжело.

Как говорили, все люди хорошие, но их испортил квартирный вопрос.

Не было где жить, и я поехала в Ригу к сестре. Сестра, когда вернулась, она жила в Риге. Там устроилась. И я поехала к ней.

Уже с ребенком?

Нет, там я рожала. А он должен был за мной приехать, но он не приехал.

И этим все кончилось, расстались. В общем, вы родили сына. В каком году

В 1947 году.

Как его зовут?

Эдвардас.

В чью-то честь?

Там был кто-то у него.

Но он вам помогал сына растить?

Я вообще гордая. Он приходил, он часто приходил, но пьяный. Очень пил.

Хаим не хотел, чтобы вы с ним были?

Я не хотела, мы с ним остались в очень хороших отношениях. Он уехал в Израиль и там ...

Он жив еще?

Нет.

А этот жив еще. Ну а теперь вы про личную жизнь рассказали, а теперь об остальном - где вы работали. Вы учились еще?

Я училась в вильнюсском университете на экономическом факультете.

С ребенком тяжело было?

Я на заочном, я вот не закончила. Мне осталось только последние экзамены, дипломная работа, но уже не могла.

Вы учились в какие годы?

В 1960е.

А помните, вы мне начали рассказывать, что вы перепечатывали самиздат?

Да, я работала в такой конторе на счетной машине.

Типа вычислительного центра.

И там был вычислительный центр, они нашли мою... то, что я печатала. Машинки же были всегда зарегистрированы, но счетные машинки не были зарегистрированы. Поэтому они не могли определить, кто это сделал.

То есть, а что вы печатали?

Все об евреях - что Горький говорил о евреях, что Сартр говорил, еврейский вопрос. Об Израиле. И кого-то арестовали и кто-то сказал на меня и тогда пришли. Я тогда... Сессия у нас была. Они пришли за мной на работу. И только управляющий сказал, не связано ли это с работой. Сказали, что нет. И они пришли за мной домой.

Был обыск?

Нет, обыска не было, если бы был, у меня бы много нашли, было много перепечатанного. А мы занимались с одной. Она была выслана, литовка. Просто она. И вдруг - пришли арестовывать. Она была в страхе.

И вас уважали.

И меня там часа четыре расспрашивали. Я сказала, что я интересуюсь литературой и все.

А они спросили, для чего это?

Я сказала, что мне это интересно, и все. Меня не тронули.

И вы из-за этого не кончили институт?

Нет, я еще училась, но что-то с работой было тяжело, и я не окончила.

И вы там работали много лет, в этом ВЦ?

Да, я оттуда ушла на пенсию.

У меня к вам такой вопрос, немного раньше. Вот эти годы, 1940х-начало 1950х, когда государственный антисемитизм, дело врачей было.

Я вам скажу, у меня родился сын, я была в Риге до 1949 года, как-то я это не ощутила.

А, кстати, у сына какая фамилия?

Моя фамилия.

Но он знает отца?

Конечно, они встречались. Но я боялась, что он научиться пить, я его немного не допускала. Может, я сделала ошибку.

Ну это рассудить трудно.

Он приходил пьяный, я не допускала до мальчика.

А как вы пережили смерть Сталина?

Я сначала переживала- как все будет. А оказывается, стояли уже вагоны

А вот вы говорили, что советская власть вас разочаровала. То есть, ваши романтические комсомольские мечты оказались разбиты?

Да, это было разбито, но я не знаю, или потому что там на работе надо был себя вести, я вроде как переживала. Я не знаю, почему, но очень скоро я все поняла.

Когда было развенчание культа личности, вы, наверное, ...

Я уже была к этому готова.

И вы там работали до пенсии. А вот отношения с литовцами?

Нормальные. У нас было много евреев.

А вы не думали уезжать в Израиль?

Я хотела. Когда брат уезжал, мой брат уехал, мой сын тогда после окончания института как раз у него военная радиотехника...

Радиолокация.

Его как раз, здесь эта школа. Не было у них выпуска, так они его мобилизовали сразу после института на два года. Когда мой брат уезжал, он был в армии, и после этого он тоже был на радиолокации, и его бы не выпустили. А потом уже он женился на литовке, а она как раз бы скорее уехала, но он не хотел.

То есть. Вы были в принципе увлечены Израилем.

Да, я была в Израилем потом три и два месяца, и я бы потом уехала...

А вот в то время, когда была пропаганда, войны судного дня, пропаганда против Израйля, вам тяжело было?

Да.

А “голоса” вы не слушали?

Все слушали, что вы ...Мы все это слушали, здесь это все было. И мой брат как раз уехал, они приехали в Судный день.

Немного поговорим о судьбе сестры и брата.3 начит, брат был на фронте, жена вот эта его...

Они расстались. Он был на фронте, а она нашла другого. Помню, он вернулся, и встретил очень хорошую женщину.

Литовку?

Нет, еврейку Голду. Она жива. И он жил в Вильнюсе до 1972 года, и дочь у него.

Он что-то окончил?

Да, он кончил экономический, работал, хорошо, имел хорошую квартиру. Они уехали, они только устроились в новой квартире, и все бросили и уехали в никуда. Но они очень хорошо устроились, потому что мой брат кончил древнееврейскую гимназию, ему не нужен был никакой ульпан, они сразу пошли работать. Она тоже, жена его тоже.

У них одна дочь, как ее зовут?

Элла, мою маму звали Элла. Я вообще даже не сказала о маме.

Маму звали Элла. Редкое для еврейки имя. Девочка Элла, каких годов она?

Она родилась в 1950е годы. Она в Израиле, у нее два сына, они там очень хорошо живут.

Начнем о судьбе сестры.

Анна жила в Риге до пенсии.

Она не выходила замуж?

Нет, она там работала в Академии, такую техническую работу и оттуда ушла на пенсию

Она жива еще?

Нет, она умерла в 1996 году. Я ее оттуда забрала. Она уже не могла сама, я ее досматривала.

Вы были в каких-то клубах, самодеятельности?

Нет.

Вам нужно было зарабатывать,?

Мне было очень тяжело. Хотя никто мне не помогал, никто не знал, что мне тяжело.

Сестра не помогала. Брат?

Помогали.

Наверное, сестра тоже любила вашего сына. У нее своих не было?

Да.

Ну вот как ваш сын, он окончил школу, что потом было?

Сын очень хорошо учился.

Он еврей или литовец по национальности?

Он еврей.

Он не испытывал национальных притеснений?

Нет. Я вам скажу, он учился в школе, где было очень много смешанных детей. От смешанных браков. И там такие хорошие семьи, хорошие литовцы были, которые занимали большие должности, и которые были в подполье, они не были антисемитами.

Конечно

Например, в этой тюрьме тогда тоже было литовцы, и были евреи.

Вот он отслужил армию и что дальше было?

Он окончил вильнюсский политехнический институт, он был в Каунасе, но здесь был филиал. Он сейчас работает на телевидении инженером.

Ему не передался художественный дар?

Нет. А вот внучка, может быть, да.

У него жена-литовка, когда он женился?

Он женился в 1983 году.

Как его жену зовут?

Лайма.

А внучку?

Юлия.

Ей 18 лет?

Да. Она очень хорошая умненькая девочка. Их семья интернациональная, отец Лаймы тоже был в подполье, они с евреями связаны.

А сын ездил в Израиль?

Да, со мной ездил.

Вы ездили в Израиль к брату?

Да. брат мне оплатил, я бы не ехала, я бы не имела возможность, я была там три месяца. А второй раз с сыном я была два месяца.

А вот как получилось, что вы пришли к еврейской общине?

Сначала я ходила с сестрой, она болела, и я приходила с не в медцентр. Пока сестра была жива, я за ней смотрела и за двоюродной сестрой, и внуков я еще смотрела, я не могла.

У вас одна внучка?

Есть еще Томас, ему 21 год.

А чем он занимается?

Он кончил школу, поступил в университет, ему что-то не понравилось и он уехал в Дублин, он сейчас там, хочет самостоятельно, он там зарабатывает.

И вы сюда пришли для того, чтобы занять время и быть нужной людям?

Да, меня Фрида порекомендовала.

Я понимаю, что после войны вы не отмечали праздники еврейские?

Всегда отмечали не дома, с друзьями. У меня было очень много друзей. Хануку, Пурим, Пейсах. Все мои друзья уехали. Пасху отмечали, у меня была одна подруга такая Мира Левин. Она была такая, она и свечи ставила всегда в Шаббат.

Но вы это не афишировали на работе?

Мы всегда говорили по-еврейски, мы не боялись. У нас в этом отношении не было антисемитизма.

А сын знает еврейский?

Нет. Я работала сразу после войны пару лет в Министерстве культуры. И там у нас был министр культуры такой, Панайтис такой, у него все евреи были. Он очень хороший человек. И между прочим, когда тут были аресты, у него никто не пострадал.

Но здесь все-таки меньше пострадали?

Да.

То есть, когда вы пришли в общину, для вас не были новыми эти праздники?

Нет, во-первых, в школе у нас всегда отмечали.

А вот как вы оцениваете для себя и в принципе для всех независимость Литвы?

Я отношусь с надеждой, я думаю, что все-таки если они будут в Европе, он будут придерживаться европейских демократических норм и правил.

Спасибо большое. Все очень хорошо.

Описание фотографий.

1. Это мой отец, фот сделано в 1920е годы.в Каунасе.
2. Николаевский проспект Пизолько против женской гимназии, август 1911 года, Ковно (Каунас назывался в России Ковно, студия «Модерн» 15 августа 1911 года, один гд и одн месяц от роду Анне. Это писала моя мама. Мамин почерк.
3. Анне 17 лет
4. Анна в Паланге 1937 году.
5. Мой отец был шахматистом довольно успешным, он даже играл в сеансе одновременной игры с Ласкером Эммануилом, и он с ним сделал ничью. А это какой-то банкет шахматистов, отец справа сидит. Еще есть еврей Махт. Фотографию мне дал, такой был здесь у нас Выстонецкий, во главе стола справа, он мне дал эту фотографию. А откуда у вас сохранились фото?- У моей сетры. Конец 1920х годов.
6. Семья Рохл - Рохл, Яков, и Шолом Гефин. Он погиб, а Рохл умерла до войны, а Яков умер пару лет назад в Вильнюсе
7. Это я летом 1963 года в Друскенинкайте
8. Я в центре, это после войны. Я танцевала на какой-то вечеринке у подружек. Мереле Дворкович, а потом Шеин слева, справа Фейгеле Зелянская. Они умерли уже, они на два года старше, они из Каунаса.

9. 1981 год, я с Хаеле Фишерман случайно сфотографировались. В парке. Она страдала kleptomanieй эта женщина. Она была честным человеком. И Леин муж ее всегда выручал.
10. 1954 год ко дню пятидесятилетнего юбилея, 50 лет мужу Анны, двоюродной сестры, он дирижер был, Клиницкий, н скрипач, это мой сын , они его очень любили. У них дома.
11. Мой сын, 1952 год, 5 лет.
12. Сын во время службы в армии, университетский значок